

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
225

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2011

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Главный редактор:
Член-корреспондент РАН Н. А. МАКАРОВ

Редакционная коллегия:
к. ист. н. Л. И. Авилова (зам. главного редактора),
д. ист. н. В. И. ЗАВЬЯЛОВ (отв. секретарь),
д. ист. н. Л. В. КОЛЬЦОВ, д. ист. н. С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ,
д. ист. н. В. Д. КУЗНЕЦОВ, к. ист. н. Н. В. ЛОПАТИН

Рецензенты:
д. ист. н. Ю. Б. ЦЕТЛИН, к. ист. н. Н. Н. ТЕРЕХОВ

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2011. — 280 с., ил., наклейка после с. 182.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9551-0492-8

Очередной выпуск практически полностью посвящен исследованиям археологических материалов эпохи бронзы. Основу выпуска составили материалы Круглого стола «Катакомбная культурно-историческая общность/область: структура, номенклатура, динамика развития», состоявшегося в Москве в апреле 2007 г. В статьях представлены современные взгляды на наиболее актуальные проблемы степной археологии, включая пространственную и иерархическую структуру обширной катакомбной общности, абсолютную хронологию входивших в нее культур, результаты типологического и аналитического изучения материалов. Публикуется ряд статей, посвященных исследованиям памятников бронзового века в России и за рубежом в широком хронологическом диапазоне — от раннего до позднего периода бронзового века.

Данные исследования будут интересны для археологов, историков, этнографов и других представителей смежных с археологией наук.

ББК 63.4

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0492-8

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2011
© Авторы, 2011
© Языки славянской культуры, 2011

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
«КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ОБЩНОСТЬ/ОБЛАСТЬ: СТРУКТУРА,
НОМЕНКЛАТУРА, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ»
(МОСКВА, АПРЕЛЬ 2007 г.)

А. Н. Гей

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ¹

*A. N. Gei. Catacomb cultural and historical unity: Problems, discussions,
and prospects of investigation*

Abstract. The paper is an attempt to characterize the present-day situation in investigation of Catacomb cultural and historical unity, a wide-scale phenomenon in the Bronze Age of the South-eastern part of the European steppe. A series of problems related to singling out separate Catacomb cultures and their relationships is pointed out. Of special importance is recently outlined early Catacomb Azov culture placed between the Early Bronze Age entities (Novotitorovka culture) and classical Catacomb cultures (Donets, West- and East-Manych, Ingul groups). Numerous data evidence mainly local way of formation of Catacomb unity and its separate variants, which seriously question migrationist hypotheses, so popular not long ago. Many problems remain unsolved, such as the role Early Bronze Age “wagon burials” played in formation of the Catacomb world, the factors that caused its convergent development, and the processes of its destruction, and the like. Taking into account new materials and hypotheses, it seems necessary to pay serious attention to the traditionally difficult problem of interaction between the steppe and Central European cultures in the Bronze Age.

Ключевые слова: катакомбная культура, хронология, этнокультурный феномен, историческая интерпретация, керамические сосуды.

Катакомбная культурно-историческая общность – одно из наиболее масштабных и выразительных образований бронзового века Восточной Европы.

¹ Настоящая работа представляет собой изложение вступительного слова при открытии конференции «Катакомбная культурно-историческая общность: структура, номенклатура, динамика развития». Она несколько дополнена: в ряде случаев ссылки заменены на более полные работы упоминаемых авторов, вышедшие уже после 2007 г.

Сознательное изучение ее насчитывает уже более ста лет, его история сама по себе интересна, поучительна как пример поступательного развития наших знаний, но одновременно и достаточно известна. Имеет смысл обратиться прежде всего к характеристике современного состояния и связанных с ним проблем (как их понимает автор).

Типическая схема археологического исследования этнокультурной направленности такова: открытие яркого и не похожего на уже известные памятника (констатация нового явления) → накопление информации о близких или даже аналогичных памятниках (выделение новой общности) → дальнейшее накопление материалов и диверсификация методов изучения (установление внутренней структуры общности, а затем неизбежное усложнение и ветвление этой структуры). Параллельный (но постоянно влияющий на первый) ход – соотнесение новых явления – общности – структуры с окружением, аналогичными сущностями по соседству, с предшествующими, с последующими (а они тоже постоянно меняются и усложняются). Смысл процесса – поиск решений наиболее сложных задач, касающихся генезиса, развития и последующих судеб явления, и историческая их интерпретация.

Все это применимо к изучению катакомбной общности и ее структуры с той оговоркой, что для одних территорий и групп памятников сейчас уже можно предполагать различие не просто реальных коллективов, но буквально семейных групп (что, впрочем, требует проверки генетическими анализами), тогда как другие остаются недостаточно или плохо изученными. Тем не менее постоянное усложнение структуры и применение означенных выше общих вопросов к отдельным ее составляющим, как кажется, способствует пониманию основных вех развития общности в целом. Важнейшим результатом последних двух десятилетий является разработка, грубо говоря, трехступенчатой культурно-хронологической схемы катакомбного мира с признанием наличия нескольких культурных образований (культур, культурных типов или групп) на каждом этапе, притом что ни одно из них не существует более двух этапов. Выделение особого раннекатакомбного этапа с его предднепровской культурной группой в Северном Приазовье и на Нижнем Дону и приазовской культурой в Прикубанье способствовало разделению проблемы происхождения катакомбной культуры на составляющие: сложение самих этих ранних групп и формирование в последующем на их основе серии локальных катакомбных культур развитого этапа. А очевидное в обоих случаях наследование культурных норм и стереотипов (в первом случае от новотиторовской культуры и ее аналогов, во втором – от раннекатакомбных групп) способствовало отходу от миграционистских схем формирования катакомбной общности, доминировавших на протяжении всего XX столетия. В любом случае существенная роль местных групп и автохтонных процессов признается теперь даже решительными сторонниками внешних импульсов.

Перейдем к характеристике отдельных культур и связанных с ними проблем, которые представляются наиболее важными в настоящее время.

1) **Преднепровская и/или приазовская.** Долгое время оставалась намеченной крайне эскизно. Лучше других изучены памятники Донца и Нижнего Дона, обозначаемые как раннекатакомбные (*Смирнов, 1996*) или относящиеся к ран-

нему этапу донецкой культуры (*Братченко, 2001*). Этот нюанс достаточно важен: по сути, речь идет о том, имеет ли место особый раннекатакомбный пласт всей общности или выразительный локальный феномен, ставший основой для формирования лишь некоторых катакомбных культур. Широкое территориальное распространение материалов раннего облика достаточно очевидно, однако в некоторых районах (Калмыкия, Северо-Западное Причерноморье, Нижнее Поволжье) так называемые раннекатакомбные комплексы часто недостаточно гомогенны или недостаточно отчетливо выделяются из всего катакомбного массива (*Шшилина, 2007*), а по особенностям обряда и инвентаря должны быть признаны несколько более поздними, чем древнейшие материалы в приазовском «очаге» катакомбного культурогенеза, и скорее сопоставимыми с начальными фазами локальных катакомбных культур развитого этапа общности.

Один из аспектов проблемы «первичного очага» или «центра» катакомбного культурогенеза связан с его локализацией (Нижний Дон, или все-таки Кубань, или и то и другое?). В сопровождающем инвентаре из наиболее ранних катакомб Правобережья Нижнего Дона и прилегающих районов Северного Приазовья присутствует небольшая, но выразительная серия сосудов с характерной орнаментацией в виде очень длинных, спускающихся до придонной части, заштрихованных треугольников с особым обрамлением боковых сторон, представляющая как бы особый керамический стиль, который может быть назван «кадамовским». Известна подобная находка и в Прикубанье (Новокорсунская, 2/17; см.: *Кондрашов, Тарабанов, 1986*), с той разницей, что здесь подобный сосуд связан с комплексом, формально соответствующим заключительному, третьему этапу новотиторовской культуры (яма с уступом и угловой ступенькой, что, с моей точки зрения, позволяет включать ее в число «протокатакомб»); детали повозки на уступе; скорченное на правом боку положение погребенного с западно-юго-западной ориентировкой), предвещающему появлению собственно катакомб. Нельзя исключить возможность, что данный комплекс является в действительности не новотиторовским, а «постновотиторовским», отражающим сохранение новотиторовских традиций уже в раннекатакомбной среде. Такие случаи не единичны. Но интрига, связанная с уточнением хронологического соотношения предкатакомбных и раннекатакомбных материалов на разных территориях, сохраняется, и разрешать ее только по керамическим материалам, даже по их стилистическим особенностям, вряд ли правомерно. Такие признаки могут довольно причудливо изменяться в пространственно-временных координатах.

Стоит особо отметить и проблему разнонаправленности развития отдельных составляющих более раннего «блока культур с повозками» и сменяющих их раннекатакомбных образований. Почему чрезвычайно схожие с новотиторовцами буджакцы игнорировали катакомбный путь? Почему на всей территории катакомбной общности формируются локальные культуры развитого ее этапа, а «на родине», в Приазовье, продолжается развитие приазовской культуры, тогда как более заметный рубеж отделяет ее поздние памятники от батуриных?

2) **Предкавказская.** За последние полвека претерпела, пожалуй, наибольшие трансформации. В настоящий момент на ее месте выделена группа самостоятельных культур со скорченным обрядом погребений: **западноманычская,**

восточноманычская и несколько более поздняя по отношению к ним **батури́нская** (наиболее отчетливая в Прикубанье, но имеющая соответствия и на остальных территориях Предкавказья). Заметный контраст им представляют культурные группы с обрядом вытянутых погребений: весьма архаичная «степная» **северокавказская катакомбная** (основное ядро которой занимает территории Калмыкии и северных районов Ставрополя) и хронологически более поздняя «предгорная», наиболее ярким проявлением которой является **верхнекубанская** группа. Интерес представляют как критерии, положенные в основу различения, так и смысловая сторона их группировки. При значительном сходстве в погребальных конструкциях и материальном комплексе западно- и восточноманычская предельно четко разделяются по обряду (скорченные захоронения, правобочные с преобладанием северных и западных ориентировок в первом случае и левобочные с южными и восточными ориентировками – во втором). Реальность их обособления/противопоставления подчеркивается примером со специфической группой левобочных погребений из района Азова, представляющей собой специфический восточноманычский анклав внутри западноманычского ареала. И наоборот: заметные отличия в конструкции катакомб и в материальном наборе при очевидной разновременности северокавказских катакомбников Центрального Предкавказья, с одной стороны, и Закубанья – Верхней Кубани – с другой, не противоречат их отнесению к разным стадиям развития одного и того же массива населения, практиковавшего обряд вытянутых труположений.

3) **Донецкая**. Вопрос о формировании этой яркой и самобытной культуры, занимающей в территориальном отношении центральное место в катакомбном ареале, до выделения преддонецкого типа или пласта практически приравнивался к проблеме формирования всей катакомбной общности; так он был обозначен еще В. А. Городцовым, так рассматривался в работах Л. С. Клейна. С учетом новых данных он очевидно должен быть переориентирован на выяснение, почему из преддонецкой основы, в общем-то единой, берут начало такие заметно отличающиеся и принципиально отказывающиеся смешиваться между собой культурные образования, как донецкая и западноманычская культуры. Не меньший интерес представляют и такие темы, как время и причины распространения не характерных для преддонецкой культуры новых типов погребальных сооружений (так называемых Н-катакомб), северные границы донецкой культуры и роль ее в формировании лесостепных групп, характер смешанных позднедонецких или бахмутских групп, культурный набор которых достаточно своеобразен и вряд ли может объясняться только донецкими или манычскими прототипами.

4) **Среднедонская**. На протяжении долгого времени основное внимание исследователей привлекали вопросы относительной хронологии и периодизации. Только недавно предпринята совершенно справедливая попытка выделения локальных вариантов – право- и левобережного (*Березуцкая*, 2003), которые в перспективе могут обрести статус самостоятельных культур. Для правобережной вполне может быть сохранен старый термин – харьковско-воронежская, поскольку ей свойственна ориентация на западную и юго-западную лесостепь; основное направление связей левобережной – юго-восточные степные районы, причем границы с доно-волжской культурой выглядят пока достаточно проблематично.

5) **Дона-волжская.** Не общепризнанная; по сути, находится в стадии выделения и обособления от прочих. Начало этому процессу было положено еще работами В. И. Мельника, выделившего «чистые» катакомбные комплексы из достаточно аморфного круга полтавкинских памятников Поволжья. Спорными остаются вопросы не только ее разграничения со среднедонской левобережной, но и западных ее пределов, где отмечается размытость характеристик комплексов с елочной (елочно-гребенчатой) орнаментацией, особенно по направлению к Нижнему Дону и Донцу.

6) **Ингульская.** Определение хронологической позиции и места ее в системе катакомбной общности выглядит пока достаточно противоречивым. С одной стороны, большинство исследователей склонно относить ее к числу позднекатакомбных образований. Вместе с тем существуют и не лишённые резонанса заключения о тесных связях, даже симбиозе, с поздними ямниками и донецкими катакомбниками. Вероятный архаизм погребального обряда, свойственного ингульской культуре и отличающего ее от других катакомбных групп Северного Причерноморья (вытянутые труположения), свидетельствует скорее в пользу второй точки зрения. Кроме того, при отчетливых параллелях с культурными группами, практиковавшими такие же вытянутые захоронения в Предкавказье (сопровождаемых определенными элементами сходства антропологического типа в обоих ареалах; впрочем, эти данные также пока немногочисленны), больше точек соприкосновения находится не с верхнекубанской группой или северокавказскими степными катакомбниками, а с хронологически им предшествующей собственно северокавказской культурой (в формах керамики, в пристрастии к топорам). Представляется, что разрешение этого противоречия возможно прежде всего через разработку вопросов о хронологической неоднородности и локальной вариативности такого обширного образования, каким является ингульская культура.

Новая хронология. Принципиальное значение для решения вопросов о структуре катакомбной общности, а также о взаимоотношениях входящих в нее образований между собой и с другими синхронными культурами имеет решительный переход от традиционной хронологии к системе калиброванных радиоуглеродных дат. Работы старше 5–7 лет с их определениями («к первой половине XVII в.; не позднее рубежа XIX–XVIII вв.») воспринимаются ныне как глубокий анахронизм.

При этом следует отметить неравномерную обеспеченность датами разных культур общности и почти полное их отсутствие для некоторых. Среди последних – батуриная культура и верхнекубанская группа Предкавказья; определения для ингульской начали поступать лишь в самое последнее время (*Kaiser*, 2003). Крайне ограничены пока данные и по среднедонской. Первая дата, полученная для погребения 47/4 Павловского могильника на Левобережье (**4130 ± 40 ВР**, или 2873–2615 BC cal) была отвергнута как чрезмерно удревненная (*Синюк*, 1983). Вторая, полученная для погребения правобережного варианта (могильник Репная Балка, 1/5), определена как **4030 ± 70 ВР**, или 2615–2463 BC cal (ИГАН-2449). Обе они соответствуют диапазону дат памятников среднего и позднего этапов развития общности с других территорий, что

не подтверждает распространенного мнения об особо поздней хронологической позиции среднедонской культуры в целом².

Новые открытия и разработки. Среди наиболее важных для изучения катакомбной общности, особенно позднейших ее фаций, следует признать плодотворную разработку в последние годы тематики посткатакомбных культур и синхронных им образований. Обобщение данных по бабинской культуре и уточнение ее состава и структуры (отраженное наиболее полно в серии работ Р. А. Литвиненко; см.: *Литвиненко*, 2009), выделение лолинской культуры и криволукской группы (*Мимоход*, 2005) не только очертили целый блок, сформировавшийся на месте и при участии предшествующего катакомбного, но и способствовали заметному продвижению в понимании потаповско-синташтинского этнокультурного феномена и проблем становления культур эпохи поздней бронзы. Примечательно, что сами исследователи потаповско-синташтинских древностей, говоря об их истоках, неизменно отсылают нас к позднейшим и особенно катакомбным группам Поволжья – Подонья, однако детальные сопоставления, позволяющие определить и локализовать прототипы тех или иных признаков данного культурного комплекса, пока не проведены.

В заключение, говоря о современном состоянии исследований катакомбной культурно-исторической общности, упомянем еще два момента. Первый связан с наблюдающимся на протяжении последних 10–15 лет и охватившим практически все сферы и разделы археологической науки распространением новых естественнонаучных и аналитических методов, можно даже сказать – с повальным увлечением ими. Положительная сторона такой ситуации сомнений не вызывает, поскольку развитие междисциплинарных направлений способствует получению новых блоков информации для решения старых и постановки принципиально новых проблем. Однако на фоне заметных успехов по ряду вопросов (взаимодействия древних обществ и природной среды, палеоэкономики, истории производств, палеодемографии, а также хронологии, которая при всей своей важности остается все-таки вспомогательной дисциплиной) наблюдается и очевидное снижение интереса к традиционным направлениям – типологии и систематике, без которых анализ археологических источников, полноценная интерпретация их и выход на уровень исторических обобщений представляются мне невозможными.

А ведь здесь насущно необходимы многие разработки. Назову для примера типологию погребальных сооружений-катакомб (практически застывшую на вариациях плана сооружений – так называемых Т-, У- или Н-видных катакомбах – и не касающуюся множества иных красноречивых признаков), а также типологию поз погребенных (аналогичным образом ограничивающуюся «скачущими всадниками», «адорантами» и «пакетами»). Отмечаю именно эти две позиции не только потому, что они служат важнейшими критериями для выде-

² В дальнейшем близкие, хотя и несколько более поздние, даты были получены для комплексов могильника Паницкое VI в Саратовской области, тяготеющих к «левобережной» разновидности среднедонских катакомбных памятников (*Мимоход*, 2009. С. 36, 37, 43).

ления разных культур и культурных групп внутри общности, но и потому, что их изменчивость имеет, как кажется, свою логику, понимание которой важно и для реконструкции идеологических представлений разных групп катакомбного населения, и для уточнения характера их связей (генетических в том числе) между собой или с другими синхронными и асинхронными общностями.

Второй условно «неблагополучный» участок – рассмотрение катакомбного блока на более широком фоне, соотнесение его с ближними и дальними соседями. Выше уже отмечалась проблемная ситуация, касающаяся вклада катакомбной общности в формирование синташтинского феномена. Не меньше вопросов, и в частности в свете перехода на систему калиброванных дат, вызывает южное направление, рассматривавшееся ранее с диаметрально противоположных позиций: либо как источник импульса, не то предопределившего, не то отметившего своим влиянием формирование катакомбной общности, либо как вероятный маршрут продвижения отдельных групп уже сложившейся катакомбной культуры или даже тотального исхода ее носителей (при условии отождествления их с индоариями, что предлагается в серии работ Л. С. Клейна).

Что же касается запада и северо-запада, то здесь первоочередным выступает старый вопрос о связях или отношениях культур катакомбной общности с близким по своим масштабам блоком культур шнуровой керамики. Признание определенных параллелей в материальном комплексе и обрядовых формах у тех и других никоим образом не отражается на возобладовавших в отечественной и европейской науке представлениях, согласно которым и восточнобалтийские, и восточноевропейские культуры рассматриваются прежде всего как дериваты центральноевропейских (последний пример см.: *Зальцман*, 2009). При этом забывается, что и в тех и в других в разных сочетаниях присутствуют и проявляются черты южноевропейских степных скотоводческих образований, среди которых уже сейчас могут быть распознаны связанные с ямной (древнеямной) общностью, синхронным, но не тождественным ей блоком «культур захоронений с повозками», наконец собственно катакомбные. Систематизация этих параллелей и определение, пусть гипотетическое, стоящих за ними исторических реалий – одна из насущных задач изучения европейского бронзового века.

ЛИТЕРАТУРА

- Березуцкая Т. Ю.*, 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж.
- Братченко С. Н.*, 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.
- Зальцман Э. Б.*, 2009. Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кондрашов А. В., Тарабанов В. А.*, 1986. Отчет о раскопках 2-х курганов в станице Новокорсунской Тимашевского района Краснодарского края в 1985 г. // Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника. Д. 442.
- Литвиненко Р. А.*, 2009. Культурный круг Бабино (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев.
- Мимоход Р. А.*, 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ.

- Мимоход Р. А.*, 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.
- Синюк А. Т.*, 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж.
- Смирнов А. С.*, 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Шишлина Н. И.*, 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.) // Тр. ГИМ. Вып. 165.
- Kaiser E.*, 2003. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut // Archäologie in Eurasien. Bd. 14.

В. И. Мельник

ПРОБЛЕМА УРОВНЕЙ ОБЩНОСТИ КАТАКОМБНОГО КУЛЬТУРНОГО КРУГА

V. I. Melnik. The Catacomb cultural circle: Problem of the unity structure

Abstract. The author presents a review of the views on the determination of Catacomb archaeological sites starting from their discovery by V. A. Gorodtsov till present, with special attention paid to the evolution of terminology reflecting the ideas on the nature of this unity: a single culture, a set of synchronous local variants, separate Catacomb cultures, Catacomb cultural and historical unity formed of several groups, Catacomb cultural circle. The present situation is considered as a crisis related to the variability of criteria used for determination of status of certain groups.

Ключевые слова: катакомбные памятники, терминология, таксономия, археологическая культура, культурно-историческая общность, культурный вариант, культурное взаимодействие.

Начиная с исследований В. А. Городцова, определившего группу погребений эпохи бронзы как представительницу катакомбной культуры, существует проблема отнесения тех или иных памятников по мере накопления материала к данному или другому культурному образованию. В основу выделения культуры были положены особенности погребального сооружения по сравнению со стратиграфически предшествующими сооружениями (ямными) и последующими (срубными), что и дало название – донецкая катакомбная культура. Наличие специфического инвентаря и различная позиция погребенных, сочетающиеся с названными сооружениями, укрепляли своеобразие выделяемых групп. Таким образом, В. А. Городцов реализовал идею выделения археологической культуры, носителем которой, по его мнению, был некий народ (*Городцов*, 1905).

В 1930-е гг. отечественная историческая наука оказалась во власти так называемого социологического подхода и стадийной теории, и понятие археологической культуры практически исчезло из оборота.

Через два десятилетия статус понятия был восстановлен, а вскоре вышла книга Т. Б. Поповой «Культура катакомбных племен». Катакомбная культура здесь уже предстала разделенной на локальные варианты. Они были следующими: нижнеднепровский, среднеднепровский, донецкий, харьковско-воронежский, североприазовский, волго-маньчский. Пять вариантов представлялись одновременными и потому характеризовались как территориальные, один – среднеднепровский – как хронологический, позднекатакомбный (Попова, 1955). Накопление материала шло быстрыми темпами, и появлялись другие наименования вариантов катакомбной культуры. Вместо волго-маньчского варианта предлагался вариант предкавказский, включающий памятники предгорий Северного Кавказа (*Иерусалимская*, 1958). В Нижнем Поднепровье после раскопок Никопольского курганного поля выделился новый, никопольский вариант катакомбной культуры (*Кривцова-Гракова*, 1962).

Анализ катакомбных групп памятников, проведенный Л. С. Клейном, привел его к выводу о том, что выделяемые варианты должны иметь статус культуры. Такими были признаны донецкая катакомбная культура, приазовская катакомбная культура, никопольская катакомбная культура, среднедонская катакомбная культура, предкавказская катакомбная культура и, предположительно, полтавкинская культура, составляющие круг катакомбных культур, в котором три первые культуры образуют украинскую катакомбную провинцию (*Клейн*, 1968; 1970).

Трактовка катакомбных памятников на территории Украины, представленная О. Г. Шапошниковой к этому времени, также выглядела по-иному. Общее понятие катакомбной культуры заменялось понятием катакомбной культурно-исторической (культурной) области, которая разделялась на группы: донецкую, харьковско-воронежскую, приазовско-крымскую, степную приднепровскую, а также среднеднепровскую и волго-маньчскую (*Шапошникова*, 1969; 1971).

Выход целого ряда работ по катакомбной проблематике, связанной со своеобразием групп (*Братченко*, 1976; *Нечитайло*, 1978; *Матвеев*, 1982; *Трифонов*, 1983), выделение ингульской катакомбной культуры (*Шапошникова*, *Бочкарев*, *Шарафутдинова*, 1977), приазовской (раннекатакомбной) культуры (*Николаева*, *Сафронов*, 1979; 1981), отделение от полтавкинской культуры памятников собственно катакомбных (*Мельник*, 1979) – все это создало новую ситуацию в понимании соотношения катакомбных групп памятников. Нами был проведен специальный анализ, учитывающий своеобразие катакомбных групп. Они были представлены в следующем виде: северо-западнопричерноморская, донецкая, среднедонская, поволжская, предкавказская (маньчская), северокавказская (катакомбная). В итоге выяснилось, что все они принадлежат к катакомбному культурному кругу. Донецкая, среднедонская, предкавказская и поволжская (доно-волжская) группы образуют катакомбную общность, где донецкая и доно-волжская группы были представлены в виде донецко-волжской провинции. Все группы претендовали на статус культуры, за исключением доно-волжской, которая в силу характера связей определялась как вариант катакомбной общности, наряду с названными культурами (*Мельник*, 1986; 1987; 1989).

В новом обобщающем труде по археологии Украины, изданном в 1985 г., катакомбное образование обозначалось как культурно-историческая общность, состоящая из культур харьковско-воронежской, донецкой, днепро-азовской, ингульской, предкавказской, или маньчской, и полтавтинской (*Братченко, Шапошникова*, 1985). Таковым был культурно-таксономический подход, применяемый по отношению к катакомбным памятникам в 1960–1980-х гг.

В последующее время были опубликованы результаты крупных исследований, посвященных различным катакомбным группам (*Державин*, 1991; *Синюк*, 1996; *Смирнов*, 1997; *Кияшко*, 1999) и сопредельным культурам, важным для изучения катакомбной проблематики (*Гей*, 2000). Начало XXI в. ознаменовалось трудами по отдельным катакомбным регионам (*Братченко*, 2001; *Санжаров*, 2001; *Кияшко*, 2002; *Березуцкая*, 2003; *Тоцев*, 2007; *Шишлина*, 2007; *Андреева*, 2008). Разработки предшествующего времени в принципе сохранили свои позиции. Проблема общей картины соотношения катакомбных групп памятников в этот отрезок времени практически не рассматривалась.

Своеобразный подход к рассматриваемому нами вопросу был предложен А. В. Кияшко. Вполне оправданному приему интерпретировать археологический материал с опорой на понятия эпохальный, региональный и локальный типы культуры (по В. М. Массону) А. В. Кияшко противопоставил на самом деле археологическую модель: культурная общность – культура – локальный вариант, объявляя ее, по сути дела, мало приемлемой (*Кияшко*, 2002).

Рассмотренный случай весьма знаменателен, и он, видимо, свидетельствует о кризисе жанра. Этому можно видеть две причины. Первая связана не столько с трудностью выделения той или иной культурной группы, сколько с определением ее статуса. Основная проблема – выбор критерия. Он никем не определен и неизвестен. Попытки универсальной количественной регламентации не имели успеха, как, впрочем, и многие классификации с претензией на универсальность. Ясно, что универсального критерия не существует. Многих также смущала жесткость соподчинения групп. Все это породило скепсис в отношении таксономических конструкций (см., напр.: *Клейн*, 1991).

Вторая причина, на наш взгляд, кроется в практическом использовании различных таксономических уровней, особенно специалистами по другим регионам и эпохам. Им чаще всего неизвестны тонкости выделения тех или иных группировок, а еще хуже положение, когда существует разноречивость в их понимании. Что и как в этом случае выбирать? До проверки обоснованности выделения той или иной группы дело, как правило, и не доходит, поскольку требуется вхождение в малоизвестный, иногда обширный материал. В этом случае выбирается то, что проще и привычнее. Эта же логика нередко присутствует и при выделении культурных групп, которые обычно именуются культурой именно для простоты использования, без выяснения связей и отношений с окружающими культурными образованиями.

Сложившаяся проблемная ситуация требует разрешения. Может быть, стоит вообще отказаться от выяснения уровней культурной общности? Нужно ли этим заниматься? С нашей точки зрения, нужно, потому что в противном случае теряется возможность поиска не только своеобразия, но и степени близости культурных образований, за которыми могут стоять исторические, экологические,

демографические, социологические, социально-психологические, этнические и иные явления. В исследовательской практике в разных случаях специалисты могут обходиться без использования культурно-таксономических понятий, однако это не значит, что данные понятия должны быть упразднены. По большому счету, эти понятия играют особую ориентационную роль в практически безбрежном море человеческой культуры, отражая некие ее связи и взаимодействия. Не следует только делать из них культа, превращать их в догму; при этом, не должно быть и совершенно произвольной их трактовки. Более того, открыто поле для введения новых понятий, способствующих извлечению информации из археологических источников. Целесообразность использования нововведений нуждается в обсуждении.

Сложившаяся культурно-таксономическая терминология, тем не менее, продолжает использоваться, и есть опыт ее обоснования применительно к катакомбным культурным образованиям (*Клейн, 1970; Мельник, 1987*). Характер предлагаемых критериев не претендует на универсальность, но он опирается на уже полученные знания о культуре и обществе древнего населения, обитавшего на изучаемом пространстве, и на археологические материалы. Именно наличие некоторого знания о древнем обществе позволяет как-то ориентироваться в выборе археологических критериев, не доводя их до абсурда. В процедуре разграничения таксономических уровней могут быть использованы так называемые эвидентные (очевидные) типы. Более строгий подход нуждается в статистических выкладках.

В отношении практики использования обозначений различных культурных групп при отсутствии необходимости указания их статуса также имеется некоторый опыт. Понятие катакомбной культуры (в единственном числе) нередко используется в контексте освещения вопросов, относящихся к нескольким катакомбным культурам. Тем же понятием обозначаются катакомбные образования тех или иных регионов, скажем катакомбная культура Нижнего Подонья. В этих случаях нет надобности кивать на статус культурных групп.

Кроме всего прочего, есть проблема идентификации отдельных археологических памятников, которые по имеющимся признакам могут не соотноситься с отдельной культурой, но при этом вполне вписываться в культурное образование более высокого уровня. Такая же ситуация наблюдается при культурной идентификации фрагментированных и плохо сохранившихся объектов.

В катакомбной тематике почти не затронутыми теоретически оказались вопросы динамики. Как известно, археологические культурные общности отражают общность материалов не только одновременных, но и разновременных, к тому же отражающих и динамические процессы. Л. С. Клейном предложены термины, фиксирующие временные изменения и пространственные перемещения применительно к археологической интерпретации: котрадиция, траверсы, колонная и трассовая секвенции (*Клейн, 1991*). Не во всех, однако, культурных образованиях возможна детальная проработка динамики. Процесс развития культуры может быть зафиксирован другим образом. Например, полтавкинская культура своим происхождением тесно связана с культурой ямной. Учитывая огромную территорию ямного культурного образования и значительно более скромную территорию, занимаемую полтавкинской культурой, мы предложили обозначить ее статус как культуры-деривата, вкуче с ямной составляющей осо-

бую культурно-генетическую общность (Мельник, 1987). Введение такого рода понятий ведет к более историчному представлению культур.

Культурное взаимодействие и синкретизм по отношению к катакомбным образованиям представлен довольно широким спектром. Здесь и ямно-катакомбное, и северокавказско-катакомбное, и полтавкинско-катакомбное сочетания. Механизм этих сочетаний пока остается не вполне ясным. То же можно сказать и о катакомбных реминисценциях после ухода с исторической арены весьма яркого катакомбного культурного образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева М. В.*, 2008. Восточноманычская катакомбная культура (анализ погребальных памятников). М.
- Березуцкая Т. Ю.*, 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж.
- Братченко С. Н.*, 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Братченко С. Н.*, 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.
- Братченко С. Н., Шапошникова О. Г.*, 1985. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 1.
- Гей А. Н.*, 2000. Новотиторовская культура. М.
- Городцов В. А.*, 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Тр. XII АС. М. Т. 1.
- Державин В. Л.*, 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.
- Иерусалимская А. А.*, 1958. К истории племен эпохи бронзы степного Предкавказья: Предкавказский вариант катакомбной культуры. Л.
- Кияшко А. В.*, 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Кияшко А. В.*, 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
- Кияшко А. В.*, 2003. Культурно-исторический процесс в эпоху средней бронзы на территории Нижнего Поволжья (по материалам погребальных памятников). СПб.
- Клейн Л. С.*, 1968. Происхождение донецкой катакомбной культуры. Л.
- Клейн Л. С.*, 1970. Катакомбная культура или культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Клейн Л. С.*, 1991. Археологическая типология. Л.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1962. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры. (МИА. № 115.)
- Матвеев Ю. П.*, 1982. История населения среднедонской катакомбной культуры. М.
- Мельник В. И.*, 1979. К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских комплексов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк.
- Мельник В. И.*, 1986. Локальные культуры и проблема соотношения катакомбных групп памятников // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М.
- Мельник В. И.*, 1987. О культурно-таксономическом соотношении катакомбных групп памятников // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М.
- Мельник В. И.*, 1989. Восточная периферия катакомбной общности // Археология восточноевропейской степи: Тез. докл. I Рыковских чтений. Саратов.
- Нечитайло А. Л.*, 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А.*, 1979. Происхождение катакомбного обряда в Восточной Европе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А.*, 1981. Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе.

- Попова Т. Б., 1955. Племена катакомбной культуры. М.
- Санжаров С. Н., 2001. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск.
- Синюк А. Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Смирнов А. М., 1997. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Тоцев Г. Н., 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье.
- Трифонов В. А., 1983. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация и культурно-историческая характеристика). Л.
- Шапошникова О. Г., 1969. Катакомбная культурно-историческая область // *Origini. Roma*. III.
- Шапошникова О. Г., 1971. Катакомбна культурна область // *Археологія Української РСР*. Київ. Т. 1.
- Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Т., 1977. О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингула // *Древности Поингуля*. Киев.
- Шишлина Н. И., 2007. Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М.

Э. Кайзер

ПРОБЛЕМЫ АБСОЛЮТНОГО ДАТИРОВАНИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

*E. Kaiser. The problems of absolute dating of Catacomb culture
in the North Pontic zone*

Abstract. The paper discusses the results of application of scientific methods in constructing absolute chronology of the Bronze Age cultures in the East European steppes. Parallel to the increase of number of radiocarbon dates from the Catacomb sites, new complications have arisen. These are related mostly to the methodic approaches specialists use. On the example of Catacomb culture of the North Pontic zone the author shows importance of critical assessment and dates crosschecking. According to the material and association context they are obtained from, the dates are divided into two quality classes. Statistical processing of dates allows obtaining more precise chronology. Thus, it is shown that the early Catacomb culture at least for certain period of time (ca. 2800–2500 BC) coexisted with Pit-grave culture. Methodically, samples should be taken from materials with short lifetime and from several burials of single kurgan forming a stratigraphic sequence. In general, it is necessary to improve quality of publications. Thus it will become possible to construct a reliable chronology of the Bronze Age steppe cultures.

Ключевые слова: хронология, бронзовый век, абсолютное датирование, радиоуглеродный метод, катакомбная культура, ямная культура, Северное Причерноморье, статистический анализ, метод отбора проб.

В прошедшем десятилетии было приложено много усилий к тому, чтобы при помощи естественнонаучных методов получить абсолютные даты для

¹ Мне хочется искренне поблагодарить д-ра М. Кашубе (Кишинев) за помощь в переводе рукописи.